

Вопль женщин всех времен

Тирольский театр танца. «Ламенто» по Герману Броху

Алексей Парин

ЖЖ

Жанна Моро медленно чистила яблоко и в подробностях рассказывала о жизни своей героини — служанки Церлины из романа Германа Броха «Невиновный», в которой соединились шарм Евы и разрушительная сила Лилит.

То было давно, то была драма, и монолог Жанны Моро иногда прерывался хлопанием двери: некоторые посетители зала с чайной на занавесе не были готовы внимать актрисе, не понимая буквального смысла слов.

Гастроли Тирольского театра танца в течение первых пяти минут сопровождались хихиканьем и фырканьем: музыка еще не вступила в свои права, и какая-то часть посетителей зала, давшего жизнь «Турандот», проявила неготовность внимать актрисам, стыдясь буквального смысла жестов.

Семь женщин в черных жакетах и юбках слишком откровенно заявили о своем естестве: их лонно требовало семени, зачатия, родов — но жизнь им ничего этого не давала.

Их пластика вела нас не только к Броху, не только к служанке Церлине — мы вспоминали виллис из новейшей «Жизели» шведского хореографа Матса Эка, — жутких девиц, свихнувшихся на недоступном материнстве. Как оказалось, ту «Жизель» мы вспоминали недаром: хореограф спектакля «Ламенто» Ева-Мария Лерхенберг-Тени начала свою деятельность в Тирольском театре танца аналогичными паррафразами «Шопенианы» и «Сильфиды».

Женщины в «Ламенто» вызывали на сцену духов мужчин.

Мужчина предстал и романтическим героем, и Гераклом, совершающим свой тринадцатый подвиг, и защитником женской чести, и Орфеем, которого только и остается растерзать, — лишь бы не сам по себе, а в зависимости от того, что слышало чуткое женское ухо в музыке жизни — и в музыке, написанной разными композиторами. Там были похотливые повторы-фрикции, скрежести шарниры тел, разливались лирические моря...

Зрелище, при всей откровенности и антисентиментальности

вызывали в памяти другую жалобу-ламент, совсем другую интонацию: «Вот что ты, милый, сделал мне! — Мой милый, что тебе я сделала?» Пластика авангардной классики и танца модерн оплывала строчками Броха, Аполлинера, Цветаевой.

Чуть избыточный феминизм зрелища рождал новую волну ассоциаций: я видел лица студентов из Инсбрукского университета, что неподалеку от Тирольского театра танца, рьяно, с пеной у рта доказываю-

РУПЕРТ ЛАЭЛЬ

ти, отличалось безупречной строгостью вкуса. Серо-черные птицы, голые ветви, остая пожухлой травы, возникавшие в нашем сознании где-то поблизости от подмоеток, оказывались не менее прямо соединенными с жизнью тела и духа, вполне здешних, вполне повседневных. И публика переставала хихикать и фыркать, а в конце спектакля просто восторженно выражала свои чувства.

А немые вопли отстаивающих свою самостоятельность жен-

ских, что Кармен — это образцовая эмансипированная женщина, а Виолетта Валери — жертва агрессивного мужского мира.

Удивительно, сколько ассоциаций вместились в этот лаконичный спектакль. Вкус проявляется не только в выборе жеста и цвета, но и в организации сценического времени, в точном ощущении сродства многоликих эпох.